Интерпретація „Горя отъ ума".

(Къ сегодняшнему спектаклю.)

Въ выходящей въ Петроградѣ газетѣ театральнаго отдѣленія Петрогубполитпросвѣта „Жизнь Искусства", гдѣ сотрудничаютъ М. Кузьминъ, В. Немировичъ-Данченко, Н. Лернеръ, М. Шагинянъ и др., находимъ записки П. Гнѣдича о театрѣ, откуда заимствуемъ отрывокъ о „Горѣ отъ ума".

Первый актъ пьесы Грибоѣдова волнуетъ какимъ то трагическимъ предчувствіемъ. Настроеніе наростающей трагедіи чувствуется съ самаго начала. День чуть брезжится, — пишетъ автор. Горничная спитъ, свѣсившись со стула. Изъ-за запертыхъ дверей доносятся сентиментальные звуки дуэта — кларнета съ фортепіано. Музыка обрывается. Горничная просыпается, протираетъ глаза, и убѣдившись, что ужъ свѣтаетъ, и „валитъ народъ по улицамъ давно", стучится въ запертые двери. Первое ее восклицаніе:

— Господа!
Эй, Софья Павловна, бѣда!

Эта „бѣда", — лейтъ-мотивъ всего дальнѣйшаго настроенія. Когда застаетъ ее одну въ комнатѣ баринъ, она потомъ разсказываетъ, что —

обмерла,
Вертѣлась передъ нимъ, не помню, что врала....

Я чувствую ясно эту Лизу, какъ она вертится, какъ она вретъ.

Какую грозу вноситъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ Фамусовъ, — видно изъ его словъ, когда дочь разсказываетъ ему плохо сочиненный сонъ. Онъ говоритъ:

— Тутъ все есть... коли нѣтъ обмана!

Словомъ онъ не повѣрилъ дочери, разочтется съ ней въ будущемъ. Когда онъ уходитъ, Лиза восклицаетъ:

— Ну, вотъ и праздникъ! Ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако, нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно и замерла душа!

Слѣдовательно, вотъ тотъ темпъ и тонъ, который долженъ дать пьесѣ режиссеръ. Надо, чтобъ и Лиза и Софья, чувствовали весь ужасъ разразившейся надъ ними грозы. Софья соглашается съ своей фавориткой:

— Да, — батюшка задуматься принудитъ.
Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ, —
Таковъ всегда, — а съ этихъ поръ...

Лиза подливаетъ въ огонь масла. Она такъ рисуетъ передъ барышней возможную картину будущаго:

— Запретъ онъ васъ, — добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, — какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой!

Ее опасенія оправдываются. Въ концѣ пьесы, Фамусовъ выростаетъ передъ нами въ необузданную фигуру крѣпостника-помѣщика.

Въ работу васъ! (кричитъ онъ) на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!

Лизу онъ ссылаетъ въ деревню, въ избу, на птичій дворъ. Да и дочку тоже не оставитъ какъ прежде на волѣ. Онъ грозитъ ей:

Не бить тебѣ въ Москвѣ! Не жить тебѣ съ людьми, —
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!

Та „бѣда", которую еще утромъ почуяла Лиза, разразилась прежде, чѣмъ „пѣтелъ возгласилъ трикраты".

А затѣмъ появленіе самого Фамусова? Чацкій говоритъ ему: „У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета". При видѣ того, какъ побѣжалъ онъ на свою половину встрѣчать Скалозуба, онъ подчеркиваетъ: „Какъ суетится, что за прытъ!" Софья говоритъ отцу: „Изволили вбѣжать вы такъ проворно". Самъ Фамусовъ подтверждаетъ:

— День цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно угорѣлый!
По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другой — всѣмъ дѣло до меня..,

Артисты иногда отбрасываютъ эту характеристику Павла Афанасьевича. Они боятся, что будутъ похожи на водевильнаго дядюшку, что они будутъ возбуждать смѣхъ суетливостью движеній. Но Боже избави, чтобы Фамусовъ былъ смѣшонъ! Онъ долженъ быть „бодръ и свѣжъ" — но при этомъ не монументально-важенъ, какъ показываетъ намъ его большинство исполнителей. Онъ быстро шлепаетъ съ утра своими оленьими туфлями, или торжковскими шитыми сапогами по всему дому, кутаясь въ свой мѣховой шлафрокъ. — У него въ его старомъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара двѣнадцатаго года, холодно. Онъ даже не ходитъ безъ особой надобности на свою половину, и проводитъ Скалозуба въ гостиную, говоря:

— . . . здѣсь теплѣе, —
Прозябли вы, согрѣемъ васъ, —
Отшушникъ откроемъ поскорѣе.

Онъ брюзгливъ, неугомоненъ, и любитъ мирить спорщиковъ, хотя самъ „споритъ такъ, что любо", по характеристикѣ Чацкаго. Онъ „гурманъ", и сознаетъ грѣховность обильныхъ обѣдовъ въ великомъ посту. — Все это долженъ отмѣтить исполнитель, все это онъ долженъ воплотить въ крупнитчатой сочной фигурѣ начальника московскихъ архивовъ.

Раннiй пріѣздъ Чацкаго въ домъ Фамусовыхъ кажется Бѣлинскому неправдоподобнымъ.

„Онъ заѣзжаетъ въ домъ ея (т. е. Софьи-наго) отца и требуетъ свиданья съ ней, прямо съ дороги, не заѣхавъ домой, чтобы побриться и переодѣться и заѣзжаетъ когда-же? Въ шесть часовъ утра. Воля ваша — не по свѣтски, не умно, и не эстетически!" Тутъ Бѣлинскій наговариваетъ на автора: Чацкій и не думалъ требовать свиданія съ Софьей. Онъ проѣзжаетъ въ дорожномъ возкѣ мимо того дома, гдѣ воспитывался, гдѣ росъ. Онъ видитъ уже открытымъ подъѣздъ, видитъ, что швейцаръ сметаетъ снѣгъ съ крыльца (Лиза говоритъ: „Въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ") — онъ останавливаетъ лошадей, чтобы узнать — всѣ-ли здоровы, чтобы швейцаръ передалъ господамъ, что онъ вернулся въ Москву, и переодѣвшись дома, сегодня — же у нихъ будетъ. И вдругъ ему говорятъ, что „барышня уже вставши и баринъ у нихъ". Онъ вылѣзаетъ изъ возка. Впереди летитъ запыхавшійся радостный Филька или Фомка, и кричитъ: „Къ вамъ Александръ Андрейичъ Чацкій!" — а за нимъ вбѣгаетъ и путешественникъ, и первый его возгласъ — удивленіе: „Чуть свѣтъ, ужъ на ногахъ!" Онъ проскакалъ отъ Петербурга до Москвы въ сорокъ пять часовъ. Нѣсколько разъ его вывалили. Вѣтеръ и буря, — конечно снѣжная, — привѣтствовали его съ возвращеніемъ на родину. Но онъ оживленъ, веселъ, молодъ. Бѣлинскій изумляется, что онъ предстаетъ предъ подругой дѣтства небритымъ. Но развѣ ужъ за двое сутокъ, что онъ ѣхалъ, онъ такъ оброс, что ему нельзя было никому показаться?

Но быть вылощеннымъ, гладко причесаннымъ, въ модномъ парижскомъ фракѣ конечно, нельзя. Послѣ сорока пяти часовъ бѣшеной скачки, да еще во время бури, Чацкій не можетъ имѣть тотъ же видъ, какъ въ третьемъ актѣ, когда онъ является на балъ въ щегольскомъ заграничномъ костюмѣ, рѣзко отличающемся отъ московскихъ доморощенныхъ фраковъ. На лицѣ, въ прическѣ въ костюмѣ — долженъ чувствоваться только что совершенный Чацкимъ путь, — а мы вмѣсто этого часто видимъ актера только что одѣтаго портнымъ, причесаннаго парикмахеромъ и неторопливо вышедшаго изъ уборной.

Тотъ крикъ, тѣ вопли, что допускаютъ нѣкоторые исполнители Чацкаго въ послѣднемъ актѣ — нелѣпы до послѣдней степени. Кричать и бѣсноваться Чацкій не станетъ. Начиная съ фразы: „Онъ здѣсь, притворщица!" Когда Чацкій становится между Молчалинымъ и Софьей, артисты иногда начинаютъ кричать и доводятъ себя до сипоты. „Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!" принято такъ вопить, что не только Фамусовъ съ своей челядью, но даже проѣзжіе съ улицы обратили бы вниманіе на такихъ орущихъ благимъ матомъ „домовыхъ".

Критики въ свое время упрекали Мочалова за то, что онъ игралъ Чацкаго не мелодраматично, — и послѣднее восклицаніе „Карету мнѣ карету!" онъ обращалъ къ швейцару, — какъ обычное приказаніе подавать экипажъ. — Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ Мочаловъ былъ куда болѣе правъ, чѣмъ его современники критики и любители-театралы. Каратыгинъ, напротивъ того, нравился москвичамъ, именно, въ послѣдней картинѣ. Но пишущему эти строки передавалъ покойный С. В. Максимовъ, — авторъ „Года на сѣверѣ",— подробности какъ Каратыгинъ исполнялъ Чацкаго. Это было безбожно и безчеловѣчно. Можно было про такую игру сказать словами Гамлета: „... Эти актеры ломались и ревѣли такъ, что невольно приходила мысль, что людей надѣлалъ какъ-то поденщикъ природы — и прескверно надѣлалъ: ужъ очень они далеки были отъ натуры!" Едва-ли Грибоѣдовъ одобрилъ-бы такіе пріемы игры.

П. Гнѣдичъ.